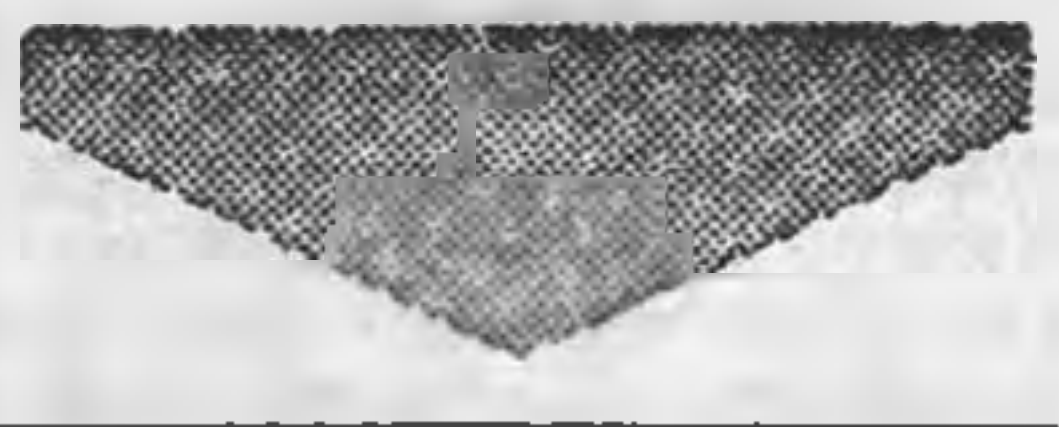

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

Нарушения закона
опасны не только сами по себе. Они страшны и потому, что порождают в коллективе атмосферу неуверенности и зависимости от чьей-то прихоти.

Произошло это в Белгороде.

Двум артистам местного драматического театра Ивану Хорунжему и Валентину Паутову в разное время и каждому по своим причинам понадобилось распорядиться квартирами, в которых они жили.

Один решил сменить театр и уехать на Сахалин, другой захотел переехать в более южный город из-за болезни сына, и в связи с этим возникла необходимость обменять квартиру. Но не тут-то было... Вернулся Иван Афанасьевич с Сахалина к себе домой (квартиру он предварительно забронировал), а его туда не пускают, там уже другие живут: перевезли вещи, устроились, даже ремонт сделали... А Валентину Власовичу не разрешили обмен. И тому, и другому объяснили в театре: квартиры ваши служебные, право проживать в них вы имеете до тех пор, пока работаете у нас.

Сказанное в театре подтвердили в горисполкоме, показали свое постановление: считать квартиры, выделенные драмтеатру, служебными.

Оба артиста обратились в суд. И вот тут-то, на наш взгляд, произошло самое удивительное. В первом случае решение городского суда Белгорода гласило: «Иск Хорунжего подлежит удовлетворению... Квартира, которая была предоставлена Хорунжему, не является служебным жилым помещением».

А Паутову тот же суд в иске отказал на том основании, что «служебное помещение обмену не подлежит».

Один и тот же город, один театр, и уж совсем по случайному стечению обстоятельств квартиры одинаковые — двухкомнатные, одной планировки, один суд — и два диаметрально противоположных решения.

Каждый раз решение городского суда подтверждалось областным судом. Каждый раз ссылались на один и тот же Гражданский кодекс РСФСР, только в одном случае на статью 297, в другом — на статью 326. И каждый раз прокурор утверждал: «судебные постановления вынесены в соответствии с материалами и требованиями закона».

ДВЕ ИСТОРИИ С РАЗНЫМ ФИНАЛОМ

После долгих мытарств Хорунжий с семьей все-таки въехал в квартиру, которую он раньше занимал, надолго, впрочем, испортив отношения с администрацией театра и заслужив репутацию беспокойного человека. А Паутов продолжает ходить по инстанциям.

Так что же все-таки: в служебных или неслужебных квартирах живут артисты Белгородского драматического театра?

В директорском сейфе аккуратной стопкой лежат квартирные ордера. Артистам они если и выдаются, то только под расписку «во временное пользование». На каждом ордере сверху: «служебная», «под общежитие». И здесь же расписки: «Я (имя рек) получил квартиру от театра, обязуюсь содержать ее в чистоте и порядке и при уходе с работы сдать квартиру театру».

Но позвольте, какое же это «общежитие», если люди живут здесь семьями, не временно, а постоянно, за свой счет делают ремонт, в обычном порядке платят за квартиры? И почему «служебные», когда под служебными жилыми помещениями понимаются те, что специально предоставлены рабочим и служащим, обязанным по роду своей деятельности проживать по месту работы. Комendantу, дворнику, истопнику, например, поскольку свои служебные обязанности они могут должным образом исполнять только при условии их проживания в обслуживаемом доме.

— Да, мы идем на некоторое нарушение законов, но это позволяет сохранять за театром квартиры. Ведь ежегодно из театра уходят по десять — двадцать артистов. Что, если все они будут забирать жилье? А сейчас всем приезжающим мы тотчас же вручаем ключи от квартир. — объясняет директор театра Виктор Иванович Слободчук.

— Нет, мы не нарушаем законы, а отклоняемся от них в силу жизненных обстоятельств. — позиция заместителя начальника областного управления культуры Василия Павловича Дьяченко.

— Конечно, мы знаем, что закона о предоставлении театру служебных квартир нет. Мы вынуждены идти театру навстречу, помогая в закреплении кадров. Но нет ведь и закона о внеочередном выделении квартир артистам, а мы ежегодно даем им по пять-шесть в порядке исключения. — говорит заместитель председателя горисполкома Владимир Александрович Ищенко.

— Налицо коллизия меж-

ду требованиями закона и целесообразностью. Видимо, необходимы специально разработанные положения, которые учитывали бы специфическое положение театров, — подытоживает мои белгородские беседы заместитель прокурора области Леонид Анатольевич Семенов, с ведома которого, кстати сказать, родились оба странно противоположных судебных решения.

Вот так события, казалось бы, далекие от проблем собственно театральных, актерских, режиссерских, неожиданно вновь подтвердили необходимость в разработке четкого, определенного театрального законодательства, о котором давно говорят. В частности, скорейшего решения одного из основных вопросов жизни театра — порядка формирования актерских трупп. Ведь сейчас театры живут, руководствуясь общими правилами трудового законодательства, а значит, практически сразу должны брать актеров на постоянную работу. Будь у них право временно вступать в договорные отношения, допустим, хотя бы на один год, — за этот срок и актеры, и руководство театра могли бы пригласить друг к другу, пройти взаимную творческую проверку. Год временной работы допускал бы временную прописку и временно ограниченные права в пользовании жилой площадью, что, конечно, тоже должно быть оговорено специально.

Театральная практика свидетельствует, что основной актерский отсев происходит именно после года работы. Ну, а когда окончательно определились отношения актера и театра и работа данного актера стала в данном театре постоянной, не может актер быть неуверенным в своих правах на жилье только оттого, что он актер, а не учитель, врач, инженер, к примеру. Живет же по соседству с Паутовым на одной лестничной клетке инженер научно-исследовательского института «Гипроруда» В. Лаврененко, живет спокойно, имеет ордер, и разве придет в голову кому-либо в Белгороде выселять его из квартиры, даже если он вздумает сменить место работы или даже город?

— Если актер давно работает в театре, — спешит заверить меня директор театра В. Слободчук, — у него не возникает проблем с квартирой. Обратится он к нам — дадим ордер.

Но ведь не дали же ордера артисту Паутову, седьмой

год работающему в театре. Да и ему ли одному?

В тревоге артистка Негина, доброе десятилетие проработавшая на сцене. Одинокий человек, недавно похоронила мужа, у самой пенсионный возраст: «А что, если я захотела бы переехать к сестре в Донбасс, ведь мне пришлось бы менять квартиру. Разрешат или не разрешат?»

Более двадцати лет работают в театре супруги Самсоновы. Мать одного из них живет в Советске, на другом конце страны, она одна, ей шестьдесят семь лет, надо забирать ее к себе, но старая женщина боится бросить квартиру и ехать к детям, у которых даже ордера нет. «А как же наши дети? — тревожится Петр Петрович Самсонов. — Случись что с нами, их что, выгонят из квартиры?»

Консультируюсь у того же заместителя прокурора области В. Семенова: гарантирует ли закон благополучное разрешение квартирного вопроса в случаях с Негиной и Самсоновыми. «Нет, — говорит он мне. — Если допустить, что квартира служебная, ее в любом случае нельзя ни обменять, ни оставить детям».

Так что же, выходит, из-за одних только квартир актеры оказываются в безраздельной зависимости от директора театра, его «захочу» или «не захочу»? Ведь логика беззакония, как правило, такова: что одно неизбежно влечет за собой другое, создавая вокруг атмосферы неуверенности и зависимости.

Захотел директор Белгородского театра В. Слободчук и дал квартиры, выделенные горисполкомом для артистов, своему шоферу, администратору, внештатному уполномоченному по распространению билетов. Захотел — снизил зарплату той же артистке Негиной вопреки ее тарификации, когда у той наступил пенсионный возраст, и она согласилась, боясь, что директор уберет ее из театра вовсе. Захотел — повысил зарплату: по подтопы ставки, опять-таки в нарушение закона, получают в театре электрик Батухтия, шофер Рассохин, бутафор Пчелинцев. Кому захотел — дал премию, самолично, без всякого местного, кому захотел — пригрозил уволить. Мне рассказывали, как проходили в конце предыдущего сезона собеседования руководства театра с актерами.

— Подавайте заявление об уходе...

— Почему?

— Вы нас не устраиваете...

На большинство актеров это действовало, в человеке, естественно, говорило и уязвленное самолюбие, и обида, сказывалась и юридическая безграмотность: подавали заявления «по собственному желанию» и уходили из театра. В прошлом сезоне ушли из театра восемнадцать актеров, в позапрошлом — шестнадцать.

Значит, не помогают в Белгороде те самые компромиссы с законом по поводу квартир, которые предпринимаются якобы для того, чтобы помочь театру «сохранить кадры»?

— Зачем вы занимаетесь пустяками? — сказал мне один из актеров белгородского театра — красивый, молодой, уже со званием, из тех, кто у театров нарахват. — Приехал я в Днепрпетровск — мне тут же квартиру. Пригласил Белгород — конечно, с квартирой. У тех, кто нужен театру, таких проблем не возникает.

Но ему ли не знать, сколько сложностей в актерской профессии: нашел контакт с режиссурой или не нашел? К какому амплуа, более или менее нужному в театре, принадлежишь? Наконец, просто — повезло тебе или не повезло? Не говоря о возрасте, болезнях, неудачах, срывах чисто творческих, оборачивающихся подчас трагедией.

Впрочем, прав он был, когда говорил, что в белгородском театре проблем много. Нет по-настоящему творческой обстановки. Не определен репертуар. Спектакли, как правило, не выдерживают проверки временем и быстро сходят. За три последних года сменились четыре главных режиссера...

Да, конечно, положение с квартирами отнюдь не единственная беда Белгородского драматического театра, и, готова согласиться, не главная его беда.

Творческое положение театра — тема особого разговора. Но можно ли налаживать творческую жизнь, создавать коллектив единомышленников в той обстановке униженной зависимости, неуверенности в завтрашнем дне, которая царит в театре? Беззаконие — не помощник. Необходим государственный подход к решению всех проблем, творческих, бытовых, человеческих.

Анна КУЗНЕЦОВА,
наш спец. корр.

БЕЛГОРОД